

З.Г. Сактаганова*

*Центр этнокультурных и историко-антропологических исследований,
Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru)*

«Ашаршылық — Великий джут» 1931–1933 гг. в Центральном Казахстане: к постановке проблемы

Цель данной статьи — постановка проблемы «Голод 1931–1933 гг. в Центральном Казахстане». Проведено сопоставление общих закономерностей голода в XX в. и выделена специфика казахстанского «великого джута». Объектом анализа стали исследования зарубежных и отечественных авторов по выявлению причин разразившегося голода в 1931–1933 гг. в Казахской степи. На основе неопубликованных архивных материалов Статистического управления Карагандинской области и опубликованных данных отслежена убыль скота в республике и в казахских скотоводческих хозяйствах Центрального Казахстана. Анализ представленных материалов демонстрирует, что пик уменьшения поголовья скота в республике пришелся на 1931–1933 гг., когда резко упало количество поголовья скота уже сократившегося за предыдущие 1929–1930 гг. Причем показаны основные тенденции сокращения поголовья стада по различным видам скота. Автором проанализированы последствия голода, называемого казахами «ашаршылық», в Центральном Казахстане. Рассмотрена динамика численности и национальный состав населения Центрально-Казахстанского региона в 1926–1939 гг. и обозначены предположительные демографические потери в регионе в указанный период.

Ключевые слова: история Казахстана, Центральный Казахстан, коллективизация, скотозаготовки, убыль скота, голод 1931–1933 гг., последствия голода в Центральном Казахстане.

Введение

В своей работе по проблемам седентаризации казахов в 1920–1930-е гг. французский исследователь И.Огайон задает вопрос: «Почему этот эпизод (имеется в виду насильственное оседание и «вереница последовавших катастроф», в том числе и голод) не нашел отражения ни в какой нарративной форме, почему казахи не присвоили этим трагическим событиям традиционно емкого образного обозначения?» [1; 17].

Стоит отметить, что на самом деле этот период в истории казахов имеет достаточно емкие обозначения: голод 1931–1933 гг. (а это и есть самая крупная катастрофа) в историю Казахстана вошел под разными названиями: «ұлы жұт» (великий джут), «ашаршылық» (голод), «нәубет» (бедствие), «зобалаң» (бедствие, тяготы), «зұлмат» («рукотворное» бедствие). И эти обозначения не созданы лишь в последние десятилетия, в устной истории казахов эти названия сохранились [2; 636]. Однако, действительно, в нарративных источниках, к сожалению, осталось не столь много сюжетов, сколько можно бы ожидать от таких недавних по времени событий. Одна из основных причин — многие свидетели этих страшных событий не пережили их. Еще одна из важнейших (если не главных) причин отсутствия (или малого количества) такого рода материалов: за последующие 60 лет власть «стерла» из памяти народа, из советской историографии файл, хранивший нарратив об этом, причем стерла до состояния «*tabula rasa*».

В казахстанском голоде проявился ряд закономерностей, определенных зарубежными исследователями при изучении голода в разных точках земли. И. Огайон соглашается с основным выводом Нобелевского лауреата, известного ученого-экономиста Амартия Сена, который, рассматривая стремительность распространения голода в Эфиопии среди скотоводческого населения, сопоставлял аналогичные процессы с земледельческими группами [1; 206, 207]. Кочевое население, по мнению А. Сена, заплатило более высокую человеческую цену, чем земледельцы. Проводя аналогию с голодом в Казахстане, следует заметить, что и в нашей республике во время голода кочевое казахское население также заплатило более высокую человеческую цену, чем крестьяне-земледельцы.

* Автор-корреспондент. E-mail: zauresh63@mail.ru (З.Г. Сактаганова).

Пять закономерностей в последствиях голода, обозначенные авторами академического сборника «Демография голода: перспективы из прошлого и настоящего» [3], совпадают с характеристиками, проявившимися в республике в 1930-х гг.:

- обычно погибает больше мужчин, чем женщин;
- большинство из населения погибают не от голода, а от сопутствующих ему эпидемий и болезней;
- уменьшается количество браков;
- сокращается уровень рождаемости;
- происходят серьёзные изменения демографической структуры населения: в частности, резко уменьшается доля детей и стариков и увеличивается доля женщин.

Данные закономерности позволяют утверждать, что, хотя голод в Казахстане (как и в СССР, в целом) носил «организованный», «рукотворный» характер и стал результатом политики власти (о чем будет идти речь позже), его последствия во многом совпали с общими тенденциями голода в мире в XX веке.

Материалы и методы исследования

При написании статьи были использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, аналогия, обобщение, системный подход, сравнение, описание и др. Были задействованы и специальные исторические методы. Одним из наиболее распространенных методов исторического исследования является проблемно-хронологический. Он позволил расчлнить достаточно широкую проблему коллективизации на несколько аспектов или более узких проблем, каждая из которых рассмотрена в хронологической последовательности, что, на наш взгляд, позволяет проследить определенную историческую преемственность и логику действий властей (если таковая имела) в реализации поставленных центром задач по коллективизации. Ретроспективный метод позволил исследовать определенные процессы через последовательную возвратную реконструкцию событий к более ранним хронологически и реконструировать их. С помощью сравнительно-исторического метода проведены были исторические сравнения, выявлены общее и частное, количественные и качественные изменения, как в хронологическом контексте — в разные годы, так и в территориальном — в целом по Казахстану, по Центральному Казахстану и по районам исследуемого региона. Одним из важнейших используемых в статье методов является конкретно-исторический (идеографический), согласно которому в деталях подробно и глубоко исследуются тот или иной конкретный сюжет, проблемы, выделяются его специфика, особенности. Близкий к системному использованный в статье историко-типологический метод способствовал систематизации, позволил классифицировать изучаемые явления для аналитического разбора. Именно эти (как основные) и ряд других методов позволяют определять причины, ход и последствия развития данного исторического сюжета.

Основу материалов статьи составили опубликованные и неопубликованные архивные документы из российских, казахстанских центральных архивов и Карагандинского областного государственного архива. Приведены данные об убыли скота в Казахстане из Российского государственного архива экономики, из документов Архива Президента РК использованы материалы о динамике животноводства в Каркаралинском районе Карагандинской области. Интересные сведения привлечены из Государственного архива Карагандинской области; в фонде Статистического управления имеется дело «Динамические показатели животноводства по КазССР от 1928–1935 гг.», которое позволило сопоставить сокращение скота в республике по всем видам с 1928 по 1933 гг.

Обсуждение проблемы и результаты исследования

К проблеме голода в Казахской АССР в 1930-х гг. отечественные исследователи обращались с конца 80-х гг.—начала 90-х гг. XX в. [4–6], разрабатывался в единичных исследованиях региональный срез проблемы [7]. Но уже в 2000-х интерес к проблеме постепенно угас, и многие последующие авторы публикаций уже повторяли известный материал. Монографических, фундаментальных работ в казахстанской историографии по проблеме немного, и следует согласиться с выводом, который сделан исследователями по оценке современной отечественной историографии, что «политический контекст, утяжеляемый определенной научной изоляцией и материальными проблемами», встал на пути профессиональной разработки многих проблем этого периода [1; 12]. Изучали данную проблему и зарубежные ученые, причем, как правило, европейские исследователи

акцентировали в своих работах внимание на кочевниках Казахстана [1, 8, 9], российские авторы рассматривали коллективизацию и голод, как правило, в общесоюзном контексте [10, 11]. Бум публикаций в этих группах выпал на конец 1980-х—начало 2000-х гг., когда стали доступными для исследователей архивные фонды, засекреченные ранее.

В последние десятилетия в РК был опубликован ряд интересных и содержательных сборников документальных материалов по коллективизации и голоду [12–14]. Эта тенденция отмечена и исследователями извне: «Среди новых публикаций, посвященных коллективизации и седентаризации, можно найти больше сборников архивных документов и меньше работ, составленных на основе новых источников...» [1; 12]. Фундаментальные документальные сборники по истории советской деревни были опубликованы в РФ, они охватывали события 1930-х гг. и в Казахстане [15, 16]. Однако, несмотря на популярность темы «Голод в Казахстане в 20–30-х гг. XX в.», данная проблема разработана весьма недостаточно, содержит огромное количество лакун, все чаще к этой проблеме обращаются журналисты, дилетанты — любители истории, соответственно усиливается политизация публикаций, появляется большое количество работ, весьма далеких от профессионального исторического исследования. Поэтому на сегодняшний день можно говорить о постановке проблемы, о начальном этапе разработки проблемы в исторической науке Казахстана, чем о ее решении.

Один из аспектов этой проблемы — вопрос о причинах голода в Казахстане. На некоторых из исследовательских интерпретаций мы хотели бы остановиться. Начнем с публикаций из зарубежной историографии, поскольку именно в них четко расставлены акценты при выяснении причин голода.

Изабель Огайон считает, что «разрушение системы пастушеского скотоводства стало первым следствием стратегии, состоявшей из 4 этапов: коллективизация — продовольственный налог — седентаризация — раскулачивание» («дебаизация», по определению И.Огайон). «Насажение этих политически мотивированных нововведений в 1930 г., особенно налогов, привело к началу небывалого голода» [1; 206, 207].

В своей работе «Годы голода. ...» Р. Дэвис и С. Уиткрофт называют 5 взаимосвязанных факторов, вызвавших катастрофу в Казахской степи: коллективизация и раскулачивание; перевод казахского населения на оседлое положение; принудительное обобществление скота; масштабные хлебозаготовки (планы на них распространялись и на несееющие районы) и масштабные скотозаготовки [17; 329–331].

Николо Пьянчоло, детально изучив архивные материалы РГАЭ по скотозаготовкам в конце 20-х — 30-е гг. XX в., выделяет 2 основных фактора, вызвавших, по его мнению, голод в Казахской степи: масштабные скотозаготовки и масштабные хлебозаготовки (планы на них распространялись и на несееющие районы). Именно скотозаготовки в том объеме и виде, в котором они были осуществлены в Казахстане, по мнению ученого, стали основной причиной сокращения скота и впоследствии голода среди казахов [18].

На наш взгляд, предтечей голода стал комплекс мероприятий, которые осуществляла власть параллельно с коллективизацией. Одной из главных особенностей, основной спецификой советской модернизации в 20–30-е гг. XX в. в Казахской степи являлись процессы седентаризации — оседания кочевников. На рубеже этих десятилетий казахское население еще сохраняло в своем большинстве кочевой и полукочевой уклады. К 1930 г. из 700 тысяч казахских хозяйств — 540 тысяч были кочевыми и полукочевыми (если условно допустить, что семья состояла из 4–5 человек, то это приблизительно 2,1–2,7 млн человек): 200 тысяч из них вели полукочевой образ жизни, около 340 тысяч — «чистые» кочевники. 160 тысяч хозяйств были оседлыми, причем около 60 тысяч из них перешло на оседлость за 10 лет, с 1920 по 1929 гг. И если за предыдущие 10 лет осело только 60 тысяч семей, то за 3 года (с 1930 по 1933 гг.) перевести на оседлость, как планировалось, около 430 тысяч семей кочевого и полукочевого населения северного и южного регионов Казахстана (оседание кочевников Центрального региона могло продлиться дольше) — задача для власти казалась бы непосильная [8]. Однако она была решена.

Именно на эту особенность — одну из причин катастрофы 1931–1933 гг. — указывает в своих исследованиях профессор Ж.Б. Абылхожин. Планы гипердинамичного индустриального развития резко актуализировали так называемую зерновую проблему. Расширение экспорта зерна, необходимость обеспечения хлебом все растущее городское население остро обозначали проблему — зерна требовалось все больше и больше. Государство видело два пути решения проблемы: один из них — крупное увеличение производства зерна через расширение посевных площадей. В связи с этим

у сталинского руководства резко возрастает интерес к земельным просторам Казахстана. Именно на это обращает внимание союзный нарком земледелия Я.А. Яковлев на XVI съезде ВКП (б): «...В Казахстане до 50–55 миллионов га можно считать годными для посевов, из которых 36 миллионов га расположены в северных областях... Здесь пшеница занимает только 5 % всей пахотнеспособной площади... Если из этих 36 миллионов гектар, годных для посева, до 30 % занять под пшеницу, то мы к концу пятилетки в одном только Казахстане получим дополнительно 8–10 миллионов га под пшеницей...» [12; 224, 225]. Наркома не беспокоило, что эти земли являлись пастбищами традиционного скотоводческого комплекса. Это значит, что казахи-кочевники с их специфическим способом производства, отмечает Ж.Б. Абылхожин, вошли в противоречие с государственным курсом на всемерное расширение зернового производства [5; 225].

Главный выход в этой ситуации виделся в необходимости форсированной, насильственной седентаризации. И вот уже данная задача озвучена республиканским наркомом земледелия К. Токтабаевым на VII съезде Советов Казахстана (апрель 1929 г.): «Первая задача по расширению посевной площади, на которую мы сейчас должны обратить самое центральное наше внимание, — это вопрос об оседании казахского населения». И соответственно съездом принята Резолюция: «2. Развитие зернового хозяйства в крае упирается, прежде всего, в проблему оседания полукошевого и кочевого населения... во всех частях республики» [5; 226].

Активно началось осуществление политики насильственной седентаризации кочевых хозяйств и их коллективизация. Активизировалась и политика по расширению земельных площадей в сугубо кочевых регионах, в частности, в Центральном Казахстане. Планы сева, которые диктовались руководством, не учитывали местных реалий. «По 5 кочевым и полукошевым районам Карагандинской области (Жана-Аркинский, Кызыл-Туский, Кургальджинский, Сары-Суйский, Эмбекшильдерский) увеличение посевной площади по плану составило 42 %, в том числе по Сары-Суйскому району, где из 7 тысяч хозяйств осталось 500–600 хозяйств, дан план 2880 га вместо 300 га в 1931 г.», — констатирует Т. Рыскулов. План был увеличен при значительном уменьшении трудоспособного населения и количества живого тягла, отсутствии семфонда и семсуды. «Очевидно, неизбежно будет опять очковтирательство со стороны районов по выполнению посевного плана, и будут опять причины к новым откочевкам и голод». В докладе Ф.И. Голощекина на краевом активе по вопросу «О коллективизации в казахском ауле» приводились следующие цифры: за 3 года (с 1929 по 1931 гг.) казахские посева возросли на 100 % — с 1265,7 до 2561 тысяч га. Опровергая эти данные, Т. Рыскулов пишет: «Без сомнения, тут имеется огромнейшая ошибка в подсчетах посевов... Казахи только в последнее время стали переходить на земледелие, не имея навыков в этом деле; территория казахов расположена больше в засушливой зоне и хуже по качеству почвы, тракторов еще мало, почти не проводились агротехнические меры. Как же могла при этих условиях посевная площадь у казахов удвоиться?» [19; 323].

Ж.Б. Абылхожин делает вывод, что волонтаристский, упрощенный подход к оседанию кочевников без учета главного фактора — сохранения пропорции между количеством скота и площадью пастбища — привел к огромной концентрации скота на небольших пастбищных пространствах и, как следствие, к катастрофическому джуту. Эти процессы сопровождалась и остальными аспектами политики (раскулачивание, ското- и хлебозаготовки, коллективизация). Катастрофа в казахском ауле была неизбежной. Отсюда и огромная человеческая цена — демографические потери от голода и эпидемий в кочевом казахском ауле в сотни раз превышали потери в оседлых регионах Казахстана.

Одним из тяжелейших последствий мероприятий власти стало резкое снижение поголовья скота в республике, в частности, из-за огромных, нереальных масштабов плановых скотозаготовок. В 1932–1933 гг. Центр стал снижать планы скотозаготовок для разных регионов России и Украины. Самое значительное снижение плана — на 78 % произошло в Казахстане, где численность скота упала катастрофически, но ситуацию это не спасло. Если в 1926 г. численность скота в Казахстане превышала 45 миллионов голов, к 1928 г., по материалам Казкрайкома ВКП (б), уже 40,219 миллионов голов [20; 20–28]. В спецсообщении ПП ОГПУ по Казахстану приведена следующая цифра: в 1933 г. в крае насчитывается 3,699 миллиона голов. По сравнению с 1929 г., поголовье скота сократилось на 90,8 %, а по группе кочевых и полукошевых районов на 94–95 % [21; 53–56]. Т. Рыскулов (заместитель председателя СНК РСФСР в 1926–1937 гг.) в своей Докладной записке указывает, что у казахского населения в 1932 г. осталось 6 % скота, имевшегося у него в 1929.

Сравнительные данные по количеству скота в период 1926–1928 гг. отражены в ряде работ историков. Мы позволим себе привести данные, найденные нами в Архивном фонде Статистического управления Карагандинской области (табл. 1) [22; 3].

Т а б л и ц а 1

Динамика скота в Казахстане в 1928–1933 гг.

Годы	Лошади			Крупный рогатый скот			Овцы и козы		
	тыс. гол.	%		тыс. гол.	%		тыс. гол.	%	
		к пред. году	к 1928 г.		к пред. году	к 1928 г.		к пред. году	к 1928 г.
1928	3841,9	-	100	7681,1	-	100	26609	-	100
1929	4135,1	107,6	107,6	7265,9	94,6	94,6	26371,3	99,1	99,1
1930	3283,6	79,4	85,4	4806,8	66,2	62,6	15660	59,4	58,5
1931	2309,4	70,3	60,1	3125,8	65,0	40,7	6728,2	43	25,3
1932	720,4	31,2	18,8	1734,8	55,5	22,6	3045,5	45,3	11,5
1933	466,0	64,7	12,1	1653,4	96,3	21,5	2752,3	90,4	10,3

Продолжение таблицы 1

Годы	Свиньи			Верблюды		
	тыс. гол.	%		тыс. гол.	%	
		к пред. году	к 1928 г.		к пред. году	к 1928 г.
1928	371,4	-	100	1165,5	-	100
1929	318,9	85,9	85,9	-	-	-
1930	64,8	20,3	17,4	1062,7	91,2	91,2
1931	87,9	128,5	23,7	518,2	48,8	44,5
1932	93,4	106,3	25,1	181,8	35,1	15,6
1933	141	151	37,9	90,8	50	7,7

Анализ данных таблицы 1 демонстрирует, что пик уменьшения поголовья скота в республике выпал на 1931, 1932 и 1933 гг., когда резко уменьшилось поголовье скота уже сократившегося за предыдущие 1929–1930 гг. Причем это сокращение по видам скота имело разные тенденции.

Лошади: в 1930 по сравнению с 1929 поголовье сократилось почти на 1/3; в 1931 г., по сравнению с 1930, — в 1,4 раза; в 1932 г., по сравнению с 1931, — сокращение лошадей произошло в 3,2 раза; в 1933 г., по сравнению с 1932, — в 1,5 раза.

КРС: 1929–1930 гг. — в 1,5 раза; 1930–1931 гг. — в 1,8 раз; 1931–1932 гг. — в 1,5 раза.

Овцы и козы: 1929–1930 гг. — в 1,7 раза; 1930–1931 — в 2,3 раз; 1931–1932 — в 2,2 раза; 1932–1933 гг. — в 1,1 раза.

Верблюды: 1928–1930 гг. — в 1,1 раза; 1930–1931 — в 2 раза; 1931–1932 — в 2,9 раза; 1932–1933 гг. — в 2 раза [16; 3].

Сопоставление данных по годам позволяет понять, что максимальные потери скота по видам составили: лошади — в 1932 г., КРС — в 1931, овцы и козы — в 1931 и 1932, верблюды — 1931, 1932 (пик) и 1933 гг.

В целом, итог потерь, понесенных животноводством Казахстана в период упадка, выражается следующими показателями (в процентах к поголовью в 1928 г.): верблюды — 92,3 %, овцы и козы — 89,7, лошади — 87,9, крупный рогатый скот — 78,5, свиньи — 62,1 % [22; 4].

В аналитической части данной Справки Статуправления дается объяснение произошедшим изменениям в динамике скотоводства республики по отдельным видам скота. Приведем фрагмент этого документа.

«Коневодство Казахстана в своем развитии в прошлом лишь в небольшой своей части было связано с земледелием. Гораздо большее значение имело товарно-продуктивное табунное коневодство, не только снабжавшее казахский аул кумысом и мясом, но отпускавшее крупные массы лошадей через степные ярмарки на внутренние конские рынки Союза. Произошедшее в 1930–1932 гг. резкое сокращение конского поголовья знаменует коренное изменение направления развития коневодства Казахстана от товарно-продуктивного к рабочему пользовательному. Товарное табунное

коневодство, поставлявшее значительные массы лошадей для вывоза в другие районы Союза, по сути дела в колхозно-крестьянском секторе, почти перестало существовать.

Основной и главной отраслью продуктивного товарного животноводства Казахстана всегда было овцеводство. Именно эта отрасль, как показывают приведенные выше цифры, в первую очередь, понесла наибольший урон к 1930 г., в то время как поголовье крупного рогатого скота сократилось (в сравнении с 1928 г.) на 37,4 %, поголовье овец и коз — на 41,5 %. От 1930 к 1931 г. крупно-рогатое скотоводство сократилось на одну треть, а поголовье овец и коз вновь уменьшилось более чем в два раза. Эта же тенденция продолжалась и в 1931–1932 гг., вызывая новое сокращение овечьего поголовья более чем вдвое.

Верблюдоводство — специфическая отрасль животноводства южных пустынь и полупустынь. При чрезвычайной выносливости и нетребовательности взрослых верблюдов, верблюжий молодняк, наоборот, отличается значительной изнеженностью и требовательностью к уходу. Размножение верблюдов без прямой непосредственной помощи человека (в момент случки) почти невозможно. В силу этих причин в 1930–1932 гг. произошло форсированное сокращение верблюжьего поголовья. К 1933 г. число верблюдов уменьшилось в сравнении с 1928 г. в 13 раз.

В сравнении с овцеводством, крупно-рогатое скотоводство Казахстана в прошлом отличалось значительно меньшей товарностью и носило в казахском хозяйстве характер подсобной отрасли. Если сопоставить удельный вес крупного рогатого скота во всем байском поголовье и в поголовье, принадлежавшем середнякам и бедноте, то обнаруживается ясно выраженное повышение роли крупного скота по мере перехода от экономически мощных групп хозяйств к слабым. В хозяйстве бая решительно преобладали товарные виды — овцеводство, коневодство; в хозяйстве бедняка — крупный рогатый скот, использовавшийся частично и в качестве рабочего пользовательного.

Процесс сокращения стада не мог, разумеется, не коснуться и крупного рогатого скота. Однако, как видим в приведенных выше показателях, действие этого процесса было несколько ослаблено в силу пониженной товарности стада.

Еще более резко эти тенденции могут быть вскрыты в динамике свиного поголовья. Товарное свиноводство, развивавшееся в переселенческих зерновых хозяйствах, резко упало еще к 1930 г. В 1930 г., по сути дела, в Казахстане оставалось лишь небольшое свиное поголовье потребительского значения» [22; 4].

Проследим ситуацию в одном из кочевых районов Центрального Казахстана. Данные таблиц 2 и 3 позволяют проследить взаимосвязь и соотношение между сокращением поголовья скота и численностью населения в Каркаралинском районе Карагандинской области (районе, находящемся на значительном отдалении от земледельческих зон) [23; 212].

Т а б л и ц а 2

Количество скота в Каркаралинском районе Карагандинской области (тыс. гол.)

Поголовье	1929 г. 100 %	1930 г.	%	1931 г.	%	1932 г.	%	1933 г.	%	1934 г.	%
Лошади	112,246	42,246	37,6	28,378	25,3	3,646	3,2	1,001	0,9	1,286	1,1
Быки	54,728	51,728	94,5	22,506	41,1	5,047	9,2	2,492	4,5	2,918	5,3
Верблюды	2,609	2,603	99,7	1,877	71,9	0,312	11,9	0,074	2,8	0,124	4,7
Овцы и козы	146,875	146,375	99,6	57,737	39,3	8,260	5,6	2,253	1,5	11,375	7,7
Итого по району	316,458	242,952	76,7	110,488	34,9	17,265	5,4	5,82	1,8	15,703	4,9

Таким образом, уменьшение поголовья скота в Каркаралинском районе Карагандинской области с 1929 к 1933 г. произошло почти в 54 раза, а если рассматривать по видам скота, то цифры еще более ужасающие: лошади — уменьшение в 112 раз; крупный рогатый скот — почти в 22 раза; верблюды — в 35 раз; овцы — в 65 раз. Вполне закономерно, что при такой убыли, при таких потерях скота в традиционных скотоводческих районах, как Каркаралинский район, где рацион питания, весь уклад жизни строился на животноводстве, голод и массовая смерть населения были неизбежными [24; 212].

Т а б л и ц а 3

Численность населения в Каркаралинском районе Карагандинской области

	1930 г.	%	1931 г.	%	1932 г.	%	1933 г.	%	1934 г.	%
Число хозяйств	50 400	100	10 880	21,5	3 992	7,9	2 711	5,3	2852	5,6

Итак, по приведенным в документах данным, количество дворов (хозяйств) с 1930 по 1933 гг. уменьшилось почти в 19 раз. В документах не отражены причины этого сокращения: миграция или смертность. Безусловно, что сравнительный анализ демонстрирует, что эти процессы в любом случае связаны с ситуацией голода. Данные ОГПУ свидетельствуют о миграции в 1930 г. из Карагандинской области 59 938 хозяйств [25; 84], однако Карагандинская область по образцу административно-территориального обустройства начала 1930-х гг. включала территорию и Северного, и Центрального Казахстана, поэтому уточнить количество откожевщиков из Центрально-Казахстанского региона не представляется возможным. Сведения о смертности в данном регионе также отсутствуют. Т. Рыскулов в мае 1932 г. докладывал, что, по материалам Миграционного комитета, в Каркаралинском районе ежедневно умирало от 15 до 20 человек (из сведений Крайоседкома) [1; 212].

В Карагандинском областном государственном архиве приведены данные о резкой убыли населения. Так, на 1 мая 1930 г. средний состав семьи Каркаралинского района — 4,6 человек; на 15 августа 1933 г. — 2,9 человек [26; 83]. Почти в 2 раза уменьшился средний состав семьи. Наиболее реальное предположение в данном случае о людских потерях может быть связано лишь со смертью от голода и в результате эпидемий. Предположить, что часть семьи откочевала, а часть осталась на прежнем месте, зная о крепких родовых связях и патриархальном укладе жизни казахов-кочевников, было бы неверным.

В документах ГАКО приводится перечень пунктов оседания на 1933 г. В нем указаны даты постройки поселения — 1930—1932 гг. (из 23 пунктов 18 основаны в 1932 г.). В Перечне приведены следующие показатели: на какое количество хозяйств рассчитано поселение — эта графа заполнена, а вот последующие графы: число хозяйств, фактически поселившихся, оставшихся в данное время, число пустующих домов — не заполнены [27; 32–35]. Сейчас не представляется возможным выяснить, какие причины не позволили заполнить эти графы, однако не исключены факты отсутствия людей: либо откожевки из данных районов, либо массовой гибели населения.

Информация Каркаралинского окружного комитета ВКП (б) на 24 апреля 1930 г. о колхозном строительстве: «Организовалось два колхоза, причем колхоз Егенды имеет 49 хозяйств и 247 едоков, лошадей крупных 86, мелких 82, коров 72, 81 верблюдов, 877 баранов, 269 коз и ни одного сельскохозяйственного орудия. Колхоз не знает, что будет делать. Председатель Правления колхоза Акимбеков заявляет, что население не заинтересовано, вошло в колхоз только от испуга, заявляя, что не знаем как быть: организовываться, осесть на одном месте не можем, ... нет пахотной земли, нет воды.... Начался массовый убой колхозниками скота в связи с обобществлением колхозами скота на 100 процентов... Теперь приходится думать, как жить, чтобы не умереть с голода. 26 марта в колхозах Жана-Тала и Жалдуз заколото 102 головы. В Абралинском районе, в связи с полным обобществлением скота, бедняки колхоза голодают» [27; 32–35].

Демографические потери в Центральном Казахстане в период голода 1931–1933 гг. не исчислялись никем. Отсутствие учета и регистрации смертей, а также полных статистических данных по региону пока не позволяет провести комплексный анализ. Рассмотрим лишь некоторые имеющиеся данные по переписям 1926 и 1939 гг. (табл. 4) [28; 131].

Т а б л и ц а 4

**Динамика численности и национальный состав населения
Центрально-Казахстанского региона в 1926–1939 гг.**

Национальность	1926 г.		1939 г.	
	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5
Всего	328 522	100	418 316	100
Казахи	280 317	85,3	136 541	32,6
Русские	15 196	4,6	190 017	45,5

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5
Украинцы	24 988	7,6	40 177	9,6
Узбеки	124	-	-	-
Татары	712	0,2	5 824	1,4
Немцы	5 589	1,7	14 814	3,6
Корейцы	0	-	7 536	1,8
Другие	1 596	0,6	23 407	5,5

За 12-летний межпереписной период убыль казахского населения в Центральном Казахстане составила 143 776 чел., то есть произошло уменьшение совокупности населения на 48 %. Представленные цифры демонстрируют лишь убыль казахского населения в регионе, в нее условно можно включать невосполнимые потери среди населения (смерть от голода и болезней), откочевки в другие регионы и др. Безусловно, что данные по выяснению количества людей в регионе в каждый конкретный год требуют уточнения, так как представляют собой лишь арифметическую разницу между данными переписей, но даже эти цифры демонстрируют серьезную демографическую катастрофу среди казахского населения в регионе, поскольку это единственная этническая группа, в которой произошло уменьшение численности. Уточнение данных об убыли казахского населения потребует дополнительных и многолетних исследований с привлечением новых источников.

Заключение

Таким образом, подводя итог о выявлении причин голода в республике, следует согласиться с казахстанскими историками (М.К. Козыбаев, Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов, Т.О. Омарбеков и другие) и некоторыми зарубежными исследователями (И. Огайон, Р. Дэвис, С. Уиткрофт и другие), что к голоду в казахской степи привело резкое сокращение поголовья скота в республике и регионе, как результат мероприятий власти, направленных на реализацию силовой модели сплошной коллективизации, насильственную седентаризацию, масштабные плановые ското-, мясо- и хлебозаготовки.

Особенности функционирования кочевнического хозяйства позволили ученым вывести определенные закономерности в его адаптации к аридным пространствам республики. Джуты периодически сопровождали кочевников-казахов каждые 6–12 лет. Неслучайно в циклическом календаре казахов годы «кролика», «обезьяны» и «петуха» («коюн», «мешин», «тауык» жылдары) считались годами джутов. Поэт Абыкай Нуртазаулы из Тургая (живший на рубеже XIX–XX вв.), ставший свидетелем джута и голода, написал дастан «Каменная обезьяна» и мастерски описал эти тяжелые годы:

«Тас мешин» жалғастырдың «тауығыңды»,

Сыпырып сансыз қызық, сауығымды.

Тоңқиган атпақылдың сақасындай,

Көркімен көрсетпедің ауылымды.

Аштықтан Қырға, Сырға тентіреттің,

Ағайын неше дос, жар, бауырымды.

(Перевод: Год «каменной обезьяны» сменился годом «петуха», унося мое благополучие и радость жизни.

Не дает мне показать красоту аула, как удачливый, улыбающийся сака (главный асык — *бита*).

Из-за голода пришлось покинуть моим друзьям, родственникам, жене и братьям родные края) [29].

Описание джутов и их последствий сохранились в устном поэтическом наследии казахов, записанных, например, во второй половине XIX в. (1879) российскими исследователями. Приведем фрагмент одной из казахских песен (дастанов), выражающих сокрушение о погубленном зимою 1879 г. благосостоянии казахов (киргиз), у которых тогда вымер почти весь скот:

Боже! Тебе известно, в каком я положении, В Твоих руках все мое имущество!

За то, что я стал жить не по своим возможностям, Ты в одну зиму уничтожил нашу роскошь!

Боже! Такой зимы еще мало по грехам нашим! Мы забыли тебя уж слишком:

Имели вещи из серебра и золота, Таганы из булата, а котлы из меди!

День и ночь стали есть только мясо жеребят, Стали пить чай с медом и сахаром...

*Наров гонял ты сотнями И лошадей выхаживал тысячами голов.
Из каждого аула выходили большие стада баранов.
Ели лошадиное филе да вкусного барашка; Корову же и козу не считали за скотину,
А вот теперь пришлось нам только существовать!... [30].*

В предложенном отрывке можно отследить глубокий философский смысл народной трактовки причин джутов, стихий и эпизоотий, когда природную стихию казахи-кочевники трактовали двояко: как результат несправедливой жизни внутри общества и внешнее влияние стихии. Казахи обожествляли природу, природные силы воспринимали как дар небес или их наказание. В таком понимании и такой трактовке заключалась глубокая народная мудрость жизни кочевников, всеми корнями сливавшаяся с окружающим их миром природы.

Но из таких джутов, где казахи-кочевники, если даже теряли значительную часть своего скота, выходили без катастрофических демографических потерь, без столь масштабных людских потерь, без массовых откочевок за районы традиционного кочевания и проживания. «Великий джут», или «ашаршылық» 1931–1933 гг., был вызван не внутренними причинами, не природными эпизоотиями, причинами выступали внешние факторы, о которых мы говорили выше. Резкое сокращение поголовья стада у населения привело к голоду в республике и, как уже отмечалось, с более катастрофическими последствиями в казахском ауле.

Британский африканист Алекс де Ваал писал: «Любое правительство, если оно того желает, способно принять эффективные меры, способные остановить голод» [31]. Очевидно, что Правительство СССР не приняло эффективных мер для решения проблемы голода в стране.

Данная статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова № 1005-ФЛ-21 — «Голод 1931–1933 годов в Центральном Казахстане: причины и последствия (по материалам архивов и воспоминаний)».

Список литературы

- 1 Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.) / И. Огайон. — Алма-Ата: Санат, 2009. — 368 с.
- 2 Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. — Алматы: РПК «Слон», 2012. — 736 б.
- 3 Famine Demography: Perspectives from the Past and Present. Oxford University Press. — Oxford, 2002// <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/psp.300>.
- 4 Абылхожин Ж. Казахстанская трагедия / Ж. Абылхожин, М. Татимов, М. Козыбаев // Вопросы истории. — 1989. — № 7.
- 5 Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е гг.) / Ж.Б. Абылхожин. — Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 240 с.
- 6 Омарбеков Т. Зобалан: күштеп ұжымдастыруға қарсылық. 1929–31 жылдары болған халық наразылығы. — Алматы: Санат, 1994. — 272 б.
- 7 Алланиязов Т. Коллективизация по-каракапайски / Т. Алланиязов. — Алматы: Фонд «XXI век», 2011. — 232 с.
- 8 Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане / Р. Киндлер. — М.: Полит. энцикл., 2017. — 382 с.
- 9 Камерон С. Голодная степь. Голод, насилие и создание Советского Казахстана / С. Камерон. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 490 с.
- 10 Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 гг. в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н.А. Ивницкий. — М., 2009.
- 11 Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В.В. Кондрашин. — М.: РОССПЭН, 2018. — 566 с.
- 12 Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931–1933 гг.: сб. док. и материалов. — Алматы: Фонд «XXI век», 1998. — 263 с.
- 13 Голодомор в Казахстане. Причины, масштабы и итоги (1930–1933 гг.): хрест. / сост. Т. Омарбеков. — Алматы: Қазақ университеті, 2011. — 204 с.
- 14 Трагедия казахского аула. 1928–1934 гг.: сб. док. / сост. А.С. Зулкашева (отв.), Г.Т. Исахан, Г.М. Каратаева. — Т. 1, 2. — Алматы: Раритет, 2013; 2018.
- 15 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939: Документы и материалы: [В 5-и т.] / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — М., 1999–2004.
- 16 Голод в СССР. 1929–1934: [В 3-х т.] / отв. сост. В.В. Кондрашин. — М.: МФД, 2013.
- 17 Дэвис Р. Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. — М., 2011. — С. 329–332.

- 18 Пьянчоло Н. Великий голод в Казахстане: контекстуализация, сравнение, концептуализации / Н. Пьянчоло // Выступление на методологическом семинаре Института истории и этнологии МОН РК. 24 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://us02web.zoom.us/j>.
- 19 Рыскулов Т. Докладная записка в ЦК ВКП (б) И.В. Сталину, копия: в сельхозотдел ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановичу и СНК СССР В.М. Молотову / Т. Рыскулов // Собр. соч. — Т. 3. — Алматы, 2009. — С. 323.
- 20 Материалы информационно-статистического подотдела ОРГО Казкрайкома ВКП (б) // Архив Президента РК (АП РК). — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 2040. — Л. 20–28.
- 21 Спецсообщение ПП ОГПУ по Казахстану о состоянии животноводства в республике. ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 11. — Д. 1050. — Л. 53–56 // Цит. по: Трагедия советской деревни... — 2001. — С. 812.
- 22 Динамические показатели животноводства по КазССР от 1928–1935 гг. // Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). — Ф. 596. — Оп. 2. — Д. 13. — Л. 1–13.
- 23 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 6985. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 224 // Цит. по: И. Огайон. Седентаризация казахов СССР... — 368 с.
- 24 АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 603. — С. 138–146 // Цит. по: Огайон И. Седентаризация казахов СССР... — 368 с.
- 25 Алдажуманов К. Крестьянское движение сопротивления / К. Алдажуманов // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. — Алма-Ата: Арыс, 1998. — 428 с.
- 26 ГАКО. — Ф. 76. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1–83.
- 27 ГАКО. — Ф. 9п. — Оп. 1. — Д. 92. — Л. 1–35.
- 28 Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в.–30-е годы XX в.) / В.В. Козина. Кн. перв. — Алматы: Өркениет, 2000. — С. 131.
- 29 Жылдың да мінезі бар, жақсы-жаман... [Электрондық ресурс] / — Кіру режимі: https://www.inform.kz/kz/zhylodyn-daminezi-bar-zhaksy-zhaman_a2884054.
- 30 Горе киргиза. Сообщение из г. Оренбурга П. Распопова // Русская старина. — Т. 55. — 1887. — С. 447–452 // Цит. по Жакин М.С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII–XIX вв.): дис... канд. ист. наук. Спец. 07.00.07 — «Этнография, этнология и антропология». — Алматы, 2001.
- 31 Де Ваал А. Голод, который убивает: Дарфур, Судан / А. Де Ваал // [Электронный ресурс] / — Режим доступа: <http://zviazda.by/ru/news/20170821/1503309986>.

З.Г. Сактаганова

1931–1933 жж. «Ашаршылық — Ұлы жұт» Орталық Қазақстанда: мәселенің зерттелуі

Мақаланың мақсаты — «Орталық Қазақстандағы 1931–1933 жылдардағы ашаршылық» проблемасын зерттеу. XX ғасырдағы жалпы аштық заңдылықтарына салыстыру жүргізіліп, қазақтың «ұлы жұттының» ерекшелігі айқындалды. Талдаудың объектісі 1931–1933 жылдардағы қазақ даласындағы аштықтың шығу себептерін анықтау үшін шетелдік және отандық авторлардың зерттеулері болды. Қарағанды облысы бойынша Статистика департаментінің жарияланбаған архивтік материалдары мен жарияланған мәліметтер негізінде жалпы республикада және Орталық Қазақстандағы қазақтардың мал өсіретін шаруашылықтарында малдың шығынының көп болғаны анықталды. Ұсынылған материалдарды талдауда республикада мал санының азаюының шыңы 1931, 1932 және 1933 жылдарға сәйкес келгенін көрсетеді, ал алдыңғы 1929–1930 жылдары да мал саны күрт азайған. Сонымен қатар, әртүрлі мал түрлері үшін табын санының азаюының негізгі тенденциялары көрсетілген. Автор Орталық Қазақстандағы қазақтардың «ашаршылық» деп атаған аштықтың зардаптарын талдайды. 1926–1939 жылдардағы Орталық Қазақстан аймағының халық саны мен этникалық құрамының динамикасы қарастырылған және осы кезеңдегі аймақтағы демографиялық шығындар көрсетілген.

Кілт сөздер: Қазақстан тарихы, Орталық Қазақстан, ұжымдастыру, мал сатып алу, малдың шығыны, 1931–1933 жылдардағы аштық, Орталық Қазақстандағы аштықтың салдары.

Z.G. Saktaganova

“Asharshylyk — Great Jute” 1931–1933 in Central Kazakhstan: to the problem statement

The purpose of this article is to pose the problem of famine of 1931–1933 in Central Kazakhstan. The comparison of the general patterns of hunger in the XX century is carried out and the specificity of the Kazakh “Great Jute” is highlighted. The object of the analysis was the research of foreign and domestic authors identifying the causes of the outbreak of famine in 1931–1933 in the Kazakh steppe. On the basis of unpublished archival materials of the Statistical Department of the Karaganda region and published data, the loss of live-

stock in the republic as a whole and in Kazakh cattle-breeding farms in Central Kazakhstan was tracked. The analysis of the presented materials demonstrates that the peak of the decrease in the number of livestock in the republic occurred in 1931, 1932 and 1933, when the number of livestock, which had already decreased in the previous years (1929–1930), sharply decreased. Moreover, the main trends in the reduction of the herd population for various types of livestock are shown. The author analyzes the consequences of the famine called “Asharshylyk” by the Kazakhs in Central Kazakhstan. The dynamics of the number and ethnic composition of the population of the Central Kazakhstan region in 1926–1939 is considered, and the estimated demographic losses in the region during this period are indicated.

Keywords: history of Kazakhstan, Central Kazakhstan, collectivization, stock procurement, loss of livestock, famine of 1931–1933, the consequences of famine in Central Kazakhstan.

References

- Ogajon, I. (2009). Sedentarizatsiia kazakhov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiia i sotsialnye izmeneniia (1928–1945 gg.) [Sedentarization of the Kazakhs of the USSR under Stalin. Collectivization and Social Change (1928–1945)]. — Alma-Ata: Sanat, 368 [in Russian].
- Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriıalar, ugymdar men ataularynyn dasturlı zhuiesi. Entsiklopediia [The traditional system of Kazakh ethnographic categories, concepts and names. Encyclopedia]. (2012). — Almaty: RPK “Slon” [in Kazakh].
- Famine Demography: Perspectives from the Past and Present. Oxford University Press. Retrieved from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/psp.300>.
- Abylhozhin, Zh., Tatimov, M., & Kozybaev, M. (1989). Kazakhstanskaia tragediia [Kazakhstan tragedy]. Voprosy istorii — Questions of history, 7 [in Russian].
- Abylhozhin, Zh.B. (1991). Traditsionnaia struktura Kazakhstana. Sotsialno-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniia i transformatsii (1920–1930 gg.) [Traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation (1920–1930 s)]. — Alma-Ata: Gylym, 240.
- Omarbekov, T. (1994). Zobalan: kushtep uzhyndastyruqa qarsylyq: 1929–31 zhyldary bolgan khalyq narazylygy [Bully: resistance to violent collectivization. Popular protests that took place in 1929–31]. — Almaty: Sanat [in Kazakh].
- Allaniyazov, T. (2001). Kollektivizatsiia po-karsakpayski [Collectivization in Karsakpay style]. — Almaty: Fond «XXI vek», 232 [in Russian].
- Kindler, R. (2017). Stalinskie kochevniki: vlast i golod v Kazakhstane [Stalin's nomads: power and hunger in Kazakhstan]. — Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 382 [in Russian].
- Kameron, S. (2020). Golodnaia step. Golod, nasilie i sozdanie sovetskogo Kazakhstana [The Hungry Steppe. Hunger, violence and the creation of Soviet Kazakhstan]. — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 490 [in Russian].
- Ivnickij, N.A. (2009). Golod 1932–1933 gg. v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzhe, Tsentralno-Chernozemnaia oblast, Zapadnaia Sibir, Ural [Famine 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central black earth region, Western Siberia, the Urals]. — Moscow [in Russian].
- Kondrashin, V.V. (2018). Golod 1932–1933 godov: tragediia rossiiskoi derevni [The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian countryside]. — Moscow: ROSSPEN, 566 [in Russian].
- Nasilstvennaia kollektivizatsiia i golod v Kazakhstane 1931–1933 gg.: sbornik dokumentov i materialov [Forced collectivization and famine in Kazakhstan 1931–1933 Collection of documents and materials]. — Almaty: Fond «XXI vek», 263 [in Russian].
- Golodomor v Kazakhstane. Prichiny, masshtaby i itogi (1930–1933 gg.): khrestomatiia [Holodomor in Kazakhstan. Reasons, scope and results (1930–1933): reader]. T. Omarbekov (Ed.). — Almaty: Qazaq universiteti, 204 [in Russian].
- Tragediia kazakhskogo aul. 1928–1934 gg.: sbornik dokumentov (2018) [The tragedy of the Kazakh aul. 1928–1934: Collection of documents]. A.S. Zulkasheva, G.T. Isahan, G.M. Karataeva (Eds.). — T. 1, 2. Almaty: Raritet [in Russian].
- Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie 1927–1939: dokumenty i materialy (1999–2004) [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks 1927–1939: Documents and materials]. v 5 t. V. Danilov, R. Manning, L. Viola (Eds.). — Moscow [in Russian].
- Golod v SSSR. 1929–1934 (2013). [Famine in the USSR. 1929–1934]. [V 3 t.] / otvetstvennyi sostavitel V.V. Kondrashin. — Moscow: MFD [in Russian].
- Devis, R., & Uitkroft, S. (2011). Gody goloda. Selskoe khoziaistvo SSSR. 1931–1933. [Years of Hunger. Agriculture of the USSR. 1931–1933]. — Moscow, 329–332 [in Russian].
- P'yancholo, N. Velikii golod v Kazakhstane: kontekstualizatsiia, sravnenie, kontseptualizatsiia [The Great Famine in Kazakhstan: Contextualization, Comparison, Conceptualization]. Retrieved from <https://us02web.zoom.us/j> [in Russian].
- Ryskulov, T. (2009). Dokladnaia zapiska v TsK VKP (b) I.V. Stalinu, kopiiia: v selkhozotdel TsK VKP (b) L.M. Kaganovichu i SNK SSSR V.M. Molotovu / Sobranie sochinenii. T. 3 [Memorandum to the Central Committee of the CPSU (b) to I.V. Stalin, copy: to the agricultural department of the Central Committee of the CPSU (b) to L.M. Kaganovich and the Council of People's Commissars of the USSR to V.M. Molotov // Collected works. – T.3]. — Almaty, 323 [in Russian].
- Materialy informatsionno-statisticheskogo podotdela ORGO Kazkraikoma VKP (b) [Materials of the information and statistical subdivision of the ORGO Kazkraiikom VKP (b)]. Arkhiv Prezidenta RK (AP RK). — F. 141. — Op. 1. — D. 2040. — L. 20–28 [in Russian].
- Spetssoobshchenie PP OGPU po Kazakhstanu o sostoianii zhivotnovodstva v respublike [Special message of the OGPU PP in Kazakhstan on the state of animal husbandry in the republic]. CA FSB RF. — F. 2. — Op. 11. — D. 1050. — L. 53–56 [in Russian].

- 22 Dinamicheskie pokazateli zhivotnovodstva po KazSSR ot 1928–1935 gg. [Dynamic indicators of animal husbandry in the Kazakh SSR from 1928–1935]. Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti (GAKO). — F. 596. — Op. 2. — D. 13. — L. 1–13 [in Russian].
- 23 Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archives of Economics (RSAE)]. — F. 6985. — Op. 1. — D. 1. — L. 224 [in Russian].
- 24 AP RK. — F. 141. — Op. 1. — D. 603. — P. 138–146 [in Russian].
- 25 Aldazhumanov, K. (1998). Krestianskoe dvizhenie soprotivleniia. Deportirovannye v Kazakhstan narody: vremia i sudby [Peasant resistance movement. Peoples deported to Kazakhstan: time and fate]. — Alma-Ata: Arys, 428 [in Russian].
- 26 GAKO. — F. 76. — Op. 1. — D. 1. — L. 1–83 [in Russian].
- 27 GAKO. — F. 9p. — Op. 1. — D. 92. — L. 1–35 [in Russian].
- 28 Kozina, V.V. (2000). Naselenie Tsentralnogo Kazakhstana (konets XIX–30-e gody XX v.) [Population of Central Kazakhstan (late 19th century — 30s of the 20th century)]. — Almaty: Orkeniet, 131 [in Russian].
- 29 Zhyldyn da minezi bar, zhaqsy-zhaman... [There is a character of the year, good and bad]. Retrieved from https://www.inform.kz/kz/zhyldyn-da-minezi-bar-zhaksy-zhaman_a2884054 [in Kazakh].
- 30 Gore kirgiza. Soobshchenie iz g. Orenburga P. Raspopova (1887). [The grief of the Kyrgyz. A message from P. Raspopov from Orenburg]. *Russkaia starina — Russian antiquity*, 55, Saint-Petersburg, 447–452. Tsit. po Zhakin, M.S. Funktsionalnoe znachenie printsipa rodstva i rodovoi struktury v etnosisteme kochevoi tsivilizatsii kazakhov (po materialam XVIII–XIX vv.). Dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk po spetsialnosti 07.00.07 — «Etnografiia, etnologiia i antropologiia». Almaty [in Russian].
- 31 De Vaal, A. Golod, kotoryi ubivaet: Darfur, Sudan. Retrieved from <http://zviazda.by/ru/news/20170821/1503309986> [in Russian].